

10. Силичев Д.А. Фуко М. // *Философия: Энциклопедический словарь* / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 943 с.

11. Реале Д., Антисери Д. *Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т. 4. От романтизма до наших дней.* СПб.: Петрополис, 1997. 880 с.

12. Фарман И.П. *Рациональность как проблема культуры и познания // Исторические типы рациональности.* М.: ИФРАН, 1995.

13. Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет.* М., Касталь, 1996. 448 с.

14. Ханин Д.М. *Эстетическая концепция Романа Ингардена и ее анализ в современной эстетике // Вопросы философии.* 1984. № 7. С. 111-119.

15. Rieser M. *The Philosophy of Roman Ingarden in a Critical Light // Dialectics and Humanism.* 1975. № 2.

Определиться с пониманием

Болотникова Е.Н., Самара

к. филос. н., доцент кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

Фуко намеренно отказывался от положительных рефренов своей работы в философском пространстве. Интерпретация этого факта в герменевтических программах Шлейермахера и Гадамера дает основание предположить, что он практиковал паррессию, разрабатывая академические курсы и исследования в области истины, политики и этики.

Ключевые слова: интерпретация, герменевтика, биография, понятие, паррессия.

E.N. Bolotnikova, Samara

Decide on the understanding

Foucault deliberately refused the positive refrain of his work in the philosophical space. The interpretation of this fact in the Schleiermacher and Gadamer hermeneutic programs gives the opportunity to suggest that he practiced parrhesia by developing academic courses and studies in the field of truth, politics and ethics.

Keywords: interpretation, hermeneutics, biography, concept, parrhesia.

Жизнеспособная конструкция, идея, теория, совокупность положений получает в учебном или комментаторском изложении всегда положительное определение. Установив по какому уже устоявшемуся направлению или течению в теории и истории мысли проходит нечто подлежащее исследованию, комментатор объявляет «структурализм», «ближе к материализму», «первая в истории концепция идеального государства» и затем приступает к подведению избранно-

го материала под известную рубрику. Между тем, в философии и культуре с середины XIX в. и включая первые десятилетия XXI в. авторы явно предпочитают иной поход. Начиная с С. Кьеркегора и его игр с псевдонимами и заканчивая акцией по самоуничтожению картины после ее продажи на аукционе (Бэнгси, октябрь 2018 г.), мы можем видеть, как авторы стремятся отрицать свою принадлежность к какому-либо систематическому классификационному списку. Думается, что одним из наиболее известных «отрицателей» собственных положительных определений в философском поле можно считать М. Фуко. Внимательное знакомство с его интервью и книгами, вдумчивые ответы на вопросы, задаваемые слушателями по окончании лекционных часов буквально «дышат духом» протеста.

При этом говоря «я не структуралист», он дает структуру «заботы о себе», говоря «я не постмодернист», он критикует устойчивые представления о модерне, предлагает варианты его новой трактовки, использует не одно, а множественность оснований [3, с. 50-52]. Трудно представить, чтобы точный и внимательный к деталям, резко защищающий каждый тезис, каждое слово, подписанные им и попадающие в публичное пространство, Фуко поступал таким образом случайно или незаметно для себя.

Очевидность противоречий, несовпадений требует процедуры интерпретации, для которой существует две условно определенные программы: Ф. Шлейермахера и Г. Гадамера. Представляется продуктивной попытка интерпретации и в той, и в другой перспективе. Гипотезой служит допущение, что при обращении к обеим программам понимания мы сможем получить полноценную версию ответа на поставленный вопрос: почему французский мыслитель отказывается вписывать себя в систематическое изложение философских, исторических, культурологических идей, во множестве содержащихся в его исследованиях.

Программа Шлейермахера и традиционной философской герменевтики, среди сторонников которой В. Дильтей, В. Гумбольдт и др. исходит из нескольких принципиально значимых пунктов: исходное непонимание текста; понимание – результат, возникающий в процессе толкования текстов; дивинаторное и комбинаторное постижение текстов [12, с.154, 156, 162] в идеале совпадающих; учет психологических аспектов; в понимании реконструируются мысли и переживания автора; интерпретатор переносит себя в историческую ситуацию; понимание субъективно; язык – это язык разума [5, с. 72].

Во-первых, Фуко утверждает, что разум историчен, а, следовательно, и язык, на котором говорит разум, историчен не менее чем политические, экономические и иные условия существования. Это означает, что недопустимо приписывать универсальные сквозные структуры понимания текстам вне их исторического контекста. Разум не представляет собой субстанции, тождественной самой себе и сохраняющей свою целостность и автономность вне времени, он изменчив не только в рамках отдельной эпохи, но и у одного и того же автора на протяжении его творческой жизни. Более радикально Фуко обозначил принцип своей работы: «Моя главная особенность состоит в моем стремлении постоянно ме-

няться» [3, с. 50]. При создании каждого нового курса лекций или книги он ставил себе задачу «как можно помыслить иначе». Требование «помыслить иначе» ведет за собой новую комбинаторику разума и языков описания, стратегию рассуждения и последующие возможные интерпретации и не сводит язык к языку разума.

Во-вторых, каждый этап творчества Фуко, а их насчитывается три – археологический, генеалогический и этап проблематизации (в методологическом отношении), или иначе классифицируемые как *aleteia*, *politeia* и *ethos* (в описании тематических полей интереса) [11, с. 77] могут быть соотнесены с изменением социальных координат его деятельности. Опыт связи с психиатрией (в различных ролях), политический активизм, популярность в академических кругах могут последовательно быть связаны с теоретическими областями, им изученными. Однако, такая подстановка фактов друг к другу все же вызывает сомнение. Простое возражение состоит в том, как много учеников и интернов побывали в психиатрических клиниках, какое множество людей приняли участие в протестах 1968г. во Франции, какое существенное количество людей могут находиться одновременно на пике интеллектуальной и иной известности, однако к таким размышлениям и текстам их все это не приводит. Иными словами, перенос интерпретатора фукианских текстов в обстоятельства его личной биографии не выступает продуктивным основанием для выводов о смыслах и значениях того, что сделал автор. Дальше утверждения о том, том, что Фуко искренне интересовался тем, что создавал двигаться просто некуда. Однако этот вывод – тривиальный случай, пригодный для понимания любого из значительных авторов.

Отметим также, что Фуко стремился заниматься не современным, не сверхновыми и оригинальными политическими, экономическими и прочими идеями, он раскапывал «старые клады» – обращаясь к стойкам, неоплатоникам, эпикурейцам и заново открывал «заботу о себе», «паррессию», «истину». Опираясь в своих курсах лекций и книгах на древние источники, интересуясь самое позднее – эпохой Просвещения, он вовсе не стремился быть актуальным в «текучей современности», если использовать удачную метафору З. Баумана. Однако эту актуальность, попытку переложить идеи, переоткрываемые Фуко в античной культуре на почву XX века предпринимали интервьюеры и слушатели. В ответ на вопросы о современной ему социальной и культурной ситуации, он обычно отмечал не сходство, а различия с исследуемой эпохой. Собственно, свою исследовательскую задачу он и видел в том, чтобы «создавать различия» [3, с. 59]. Он приводил основательные доводы к тому, что актуальное состояние науки, общества, индивида не является закономерным развитием и расширением всех предшествующих феноменов и идей, для него был не допустим не критичный перенос прежних конструкций. Так было, например, в анализе идеи «заботы о себе», когда «калифорнийский культ» предложили в качестве апофеоза заботы в условиях постиндустриального общества [9, с. 151].

Комбинаторное понимание как результат сравнения текстов автора, или элементов одного и того же текста – довольно сложная задача в отношении наследия Фуко. Дело в том, что он, по всей видимости, не решал задачу О. Конта

«видеть, чтобы предвидеть». Отсюда, ориентир на фиксированный результат в отношении исследованного объекта, достижимый постольку, поскольку «фундаментальный метод Фуко заключался в стремлении понять как можно точнее, что автор текста хотел сказать в свою эпоху» [1, с. 21], и принципиальный отказ от прогнозирования будущего или сопоставления с прошлым. На волю читателя отдаются все возможные допущения, в свою очередь Фуко лишь «умывает руки», обещает дальнейшие исследования в открытой им области, которые, как хорошо известно, он не всегда выполнял.

Дивинаторное понимание как результат вчувствования читателя в родственный ему дух текста на наш взгляд доступно в тех случаях, когда Фуко прибегает к наглядным, детально визуализированным примерам, почерпнутым из обширной исторической библиографии. Среди них хорошо известные описания военного смотра, парада, экзамена, судебного заседания. Эти «картины» реальности прошлого словно бы оживают у тех, кто обладает определенным социальным опытом или в своем культурном базисе имеет соответствующие произведения, они выполняют ту же функцию что и «простые изобразительные средства» в языке Шлейермахера [12, с. 117]. Таких изображений в книгах Фуко совсем немного, поскольку чаще всего он работает с текстовыми источниками инструментального характера (приговоры, указы, инструкции, рекомендации по организации жизни, сонники), литературным и философским наследием. Они выглядят как необязательное украшение строго методического изложения и оставаясь в памяти читателя своим ярким светом словно бы пронзают, по-особому высвечивают все остальное изложение идей и материалов.

Таким образом, опираясь на тезисы Шлейермахера прийти к удовлетворительному ответу на поставленный вопрос не представляется возможным. Фукианские тексты оказываются яркой мозаикой, собранной авторским видением тем и сюжетов, чьи отдельные детали впечатываются в память читателя своей образностью и характером, но не дают целостной картины понимания, в котором комбинаторное и дивинаторное максимально сближены.

Герменевтика в программе Гадамера характеризуется следующим набором основных положений: смысл текста превышает авторское понимание, интерпретатор расширяет свой горизонт, перемещаясь в историческую ситуацию, отказ от противопоставления субъективного и объективного в интерпретации, так как это разрывает целое, следует рассматривать логику вопросов и ответов автора, на языке говорят даже вещи, язык – среда герменевтического опыта [5, с. 71-72].

Как известно, текст, сделавший Фуко безоговорочным авторитетом среди интеллектуалов, это «Слова и вещи». В нем автор разрабатывает способы связи слов и вещей в определенные исторические периоды и соответственно правила установления этих связей, вещи действительно говорят на языке и могут быть поняты в фукианской программе как ничто другое.

Логика вопросов и ответов автора прослеживается в определенном ракурсе. В стилистике письма есть у французского мыслителя существенный момент: в каждом тексте, иногда включая даже предисловия [8, с. 21-22], он непременно ведет диалог с воображаемым критиком. Функции этого приема: ярче высветить

позицию автора, избавить его от роли актера или акробата при отсутствии вопросов, избавить от чувства полнейшего одиночества в исследовательском поиске [13, с. 7]. И порядок этих вопросов не всегда завершен, как сетует сам Фуко: иногда не хватает пустяка, одного вопроса и все встает на место, но его так и не задают...

В целом, посвящая курсы лекций различным темам, Фуко никогда не опирается на предшествующие достижения, каждый раз он рассматривает тематику в автономной проекции. «Мужество истины» не апеллирует к «Герменевтике субъекта», а призыв «Нужно защищать общество» не основан тезисами из курса «Ненормальные». Для интерпретатора это означает как минимум необходимость каждый раз заново воссоздавать порядок мысли автора. Своеобразной наградой служит тот факт, что тематика работ Фуко безусловно расширяет горизонт интерпретатора, будь он историком античности, или специалистом по юриспруденции Нового времени. С одной стороны, используется колоссальный по объему архивный материал, а с другой стороны осуществляется опора на масштабные философские гипотезы.

Формулируя проблематику своих исследований и создавая авторский понятийный аппарат (дискурсивные/недискурсивные практики, закон редкости, проблематизация, правительность и др.), придавая общеизвестным понятиям специфические значения (формации, архив, археология, генеалогия, истина, этика и др.) Фуко отказывается от противопоставления субъективного и объективного, стремясь как бы вживаться в ту эпоху, о которой пишет и одновременно оставаясь рядом с ней. Фуко удачно формулирует тезис, которому следовал Жорж Кангийем и сам, очевидно, следует ему: *«Изготовление понятий – это способ прожить, а не убивать жизнь (курсив оригинала)»* [4, с. 63]. Он формулирует сеть понятий, накладывает их на исторический архив эпохи и сквозь эту сеть становятся видимыми, зримыми, буквально ощутимыми механизмы мышления и практики действия, присущие исследуемому времени и темам. Его этос работы с понятиями позволяет не цементировать, не обездвигивать целое реальности, а оставлять ее живой, подвижной за счет того, что понятия «никогда не фиксируются; в каждой формулировке – изменение, преобразование пусть даже незначительное пока понятие не станет чем-то совсем иным». [4, с. 63]. Избегая традиционного исследовательского языка, он не разрывает целое эпохи, но и не возвышается над ним, удивительным образом сохраняя дистанцию и находясь как бы внутри изучаемой области. Не отдавая приоритет индивиду или обществу Фуко позволяет читателю самому определять приоритеты, предоставляя возможно более полную информацию по теме (до пятидесяти страниц ссылок в монографии) [7, с. 525-573].

Герменевтический подход, сформулированный Гадамером, выглядит для понимания фукианских исследований более предпочтительным, соотносится с позициями и принципами, которые отстаивал сам Фуко. Однако ответа на вопрос об отказе от положительных определений мы не получаем и в этой программе.

Интерпретация в перспективе Шлеймахера подчеркивает необходимость учета личности автора, его психологических черт и биографического сюжета. Интерпретация в перспективе Гадамера требует «сохранять жизнь» в сети из слов и вещей, за счет постоянных смещений и сдвигов.

По всей видимости имеет право на существование утверждение, что Фуко в своих исследованиях в широком смысле практикует паррессию. Это «такая разновидность вербальной деятельности, в рамках которой говорящий устанавливает специфические отношения с истиной посредством искренности, определенные отношения с собственной жизнью посредством опасности, особые отношения с собой и другими людьми посредством критики (самокритики и критики других) и специфические отношения с моральным законом посредством свободы и долга» [10, с. 168].

Отношения с истиной Фуко манифестирует в работах археологического и антропологического периодов с наибольшей яркостью, включая названия самих текстов. Риск, на который идет Фуко – отчаянное предприятие для академической карьеры, заключается в открытии новых исследовательских областей и тем. Он соотносим с опытом-пределом, с самоиспытанием, задача которого не сохранить и удержать себя прежнего, в соответствующем статусе и званиях, но апробировать себя и собственные интеллектуальные способности в пограничных условиях: «вырвать меня у меня самого и не позволять мне быть тем же самым, что я есть» [6, с. 411]. Критика и самокритика вплоть до готовности к самоотмене всех достигнутых ранее результатов – характерная черта исследовательской позиции Фуко. И это действие на основе свободы и долга, моральных обязательств, не вмененных извне, не являющихся следствием ангажированности, социальных ожиданий, но являющихся внутренней конститутивной силой самого мыслителя.

Становится очевидно, что ни личная биография, ни систематическое изложение взглядов, ни списочный состав значений словаря понятий Фуко не существуют как источники понимания его практик отрицания. «Моя единственная проблема – это моя собственная трансформация» [3, с. 55] – пишет мыслитель. Отвергая характеристики структуралиста, ницшеанца, хайдеггерианца, постмодерниста и др. он словно бы освобождает место для маневра, для следующего из своих многочисленных рискованных интеллектуальных предприятий. Никакая строгая определенность не сможет усмирить и упорядочить это движение жизни, этот волевой акт, соединяющий мышление и действие в практике. Не отделяя работу от жизни, он утверждает, что для философа, для мыслителя «Работа, которая не является попыткой изменить не только то, что ты думаешь, но одновременно даже и то, что ты есть, не очень-то захватывает» [7, с. 309] И если это так, то никакая этика долга, универсального закона и референции к высшему не остановит того, кто жаждет быть захваченным самим собой. Для этого мыслителю надо быть всегда на страже, внутренне сосредоточенным и открытым миру одновременно, быть «в-себе», и в то же самое время «для-себя». Как отмечает Ф.Гро «то, что он предлагает... это этика имманентности, бодрствования, самодистанцирования» [2, с. 578]. Бьющаяся живая мысль не вмещается в «прокру-

ство ложе» определений, а пока мы будем ее туда стремиться устроить, она изменится сама и изменит пространство вокруг себя. Негативизм Фуко в отношении собственной работы обретает положительное свойство – каждому интерпретатору, каждому жаждущему понимания читателю вслед за мыслителем предоставляется авторская возможность открытия и переопределения истины, политики и этики.

Литература

1. Вен П. Фуко. Его мысль и личность / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.
2. Гро Ф. О курсе 1982 года // Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. С. 549-597.
3. Дикон Р. А. Производство субъективности // Логос. 2008. № 2. С. 21-65.
4. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / пер. с англ. А. А. Писарева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 592 с.
5. Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000. 200 с.
6. Табачникова С. Мишель Фуко: историк настоящего // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 396-443.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
8. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
9. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С. 135-159.
10. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2. С. 159-259.
11. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2014. 358 с.
12. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Научный Дом, 2004. 242 с.
13. Эвальд Ф., Фонтана А. Вместо предисловия // Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. С. 5-13.